

Т. ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Здравствуйте. Это программа «Особое мнение», меня зовут Татьяна Фельгенгауэр, и я приветствую в этой студии главного редактора, владельца «Независимой газеты» Константина Ремчукова. Здравствуйте, Константин Вадимович.

К.РЕМЧУКОВ: Добрый вечер.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: За 2 недели вашего отсутствия накопилось много тем, вопросов. Ну, давайте к сегодняшним. Тут интересные дела происходят во внутренней политике, которая, все-таки, есть, никуда от нее не деться. Самовыдвиженец победил единоросса в борьбе за пост главы Среднеуральска. Оппозиция намерена выдвинуть единого кандидата на выборах мэра Красноярска. В Москве создается инициативная группа по проведению референдума о переизбрании городских властей. Идет какая-то борьба, все-таки, за власть уже в городах. Тенденция, все-таки, вот этого протеста, который обвиняли в том, что у них нет никаких требований и ничего, перерастает во что-то конкретное? Или рано делать такие выводы?

К.РЕМЧУКОВ: Нет, ну, во-первых, у протеста был четкий лозунг «За честные выборы» и отмену результатов выборов в Госдуму. Это надо признать. И тот, кто говорит, что не было четкой позиции, тот обманывает, наверное, прежде всего, самого себя.

Так вот сейчас просто прошло времени много после первой Болотной, полгода. Стало ясно, что результаты выборов в Госдуму никто не отменит, надо жить дальше. А жить дальше – это значит воспользоваться теми изменениями в законодательстве, которые упрощают регистрацию партий и мы видим, что партии, все-таки, регистрируются: и Милов зарегистрировал Демвыбор, и Рыжков Республиканскую партию (вот сейчас съезд будет). Парнас, видимо, с Рыжковым как-то породнятся, в том числе и в названии. То есть появляется политическая возможность проявить себя. А выборы если никто не

отменяет декабрьские, значит, еще 5 лет надо фактически жить с этой Госдумой. То есть центр переносится в регионы, где будет как раз очень много выборов. Не случайно изменения в администрации президента последних дней отражают вот этот аспект озабоченности власти. И Константин Костин, который был начальником управления внутренней политики, переходит на руководство фондом, который будет заниматься развитием гражданского общества. А через фонд легче финансировать и помогать проведению выборов, потому что администрации напрямую финансировать и помогать в новых условиях, может быть, не совсем сподручно, потому что если кого-то поймут с коробкой из-под ксерокса, могут быть неприятности существенно большие, чем у Чубайса.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А, кстати, для господина Костина это повышение?

К.РЕМЧУКОВ: Я думаю, что не понижение точно с точки зрения практических результатов. Другое дело, что традиционно считается, что тот, кто в администрации президента, тот – царь горы.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Круче. (смеется)

К.РЕМЧУКОВ: Тот круче. Но с другой стороны, с точки зрения воздействия на реальные процессы, да, те будут вырабатывать политику. Это получается как, помните, у нас была административная реформа в начале 2000-х, когда министерства вырабатывали стратегию, а агентства были операторами по реализации этой стратегии, и все деньги шли через агентства. Это основной конфликт в свое время агентства и Министерства культуры, когда Швыдкой был.

Так вот сейчас Костин будет фактически таким агентством, которое будет исполнять стратегию, которую будет вырабатывать Володин, один аспект. Другой аспект проблемы связан с тем, что Володин, все-таки, уже, судя по всему, в новом составе администрации прочно занимает то место, которое раньше занимал Владислав Сурков, отвечает за всю политику и ему, конечно, хочется иметь своих людей, и какие-то признаки борьбы есть. Не все так гладко, да? Там вот эта утечка информации по составу и характеристике членов Общественной палаты...

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Удивительный документ.

К.РЕМЧУКОВ: Да. Но тем не менее, утечка. Вы много утечек из администрации президента?..

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Нет, нет.

К.РЕМЧУКОВ: Не было.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: И удивителен сам факт того, что этот документ появился.

К.РЕМЧУКОВ: Да. А через какое-то время после этого Костина не стало на этом посту. Потому что во время утечки информационные сообщения подчеркивали, что это документ управления внутренней политики. И вот после этого начальник управления внутренней политики перемещается на руководство фондом.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Немного грубо.

К.РЕМЧУКОВ: Ну, времена такие.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Топорно как-то работают.

К.РЕМЧУКОВ: Да.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Тут по поводу, кстати, Володина, Суркова сегодня в «Коммерсантъ Власть» большая была статья.

К.РЕМЧУКОВ: Они что-то разнюхали?

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вы не поверите. По поводу борьбы неких таких группировок. Как раз-таки, первая – сурковская, которая выступает за некоторые компромиссы с оппозицией. Это все в процессе обсуждения, что делать власти с этими протестами. Вторая – володинская, которая предпочитает уже давать такой, жесткий очень конфронтационный ответ. Ну и третья – это условные московские власти, которые по максимуму идут на компромисс. Что вы думаете? Насколько реален такой расклад?

К.РЕМЧУКОВ: Это правдивая история. И очень много людей, которые вспоминают 1917-й год и рассматривают гипотетически различные альтернативы поведения в то время. Можно ли было избежать большевистской революции, если бы нейтрализовали большевиков более жестко? Мы все знаем, в каком режиме они были, по 7 раз с каторги сбегали, все убегут куда-то, сплавают в Америку, поживут в Швейцарии, приедут, уедут. И книги присылают, и жены с мамами и с сестрами приезжают в ссылку. То есть вот это либеральное отношение царских властей к политическим заключенным привело к тому, что они стали обладать огромным репутационным капиталом. Кстати, тогда они ввели понятие нерукопожатности применительно к жандармам – это большевистская была революционная такая этика. И что получилось? Потом на 70 лет страна ушла в это большевистское будущее. Вот сейчас примерно разговаривают о том же, вот, как вести себя, либерально или, все-таки, пожестче с тем, чтобы не допустить распространения этой заразы.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Так что бы вы посоветовали, пожестче или полиберальнее поступать с протестующими?

К.РЕМЧУКОВ: Ну, это на несколько вопросов здесь надо для себя честно ответить. Пал ли царский режим от того, что большевики слишком много воли взяли? Либо царский режим пал прежде всего потому, что он дискредитировал себя в глазах общества, распутинщины, продажными контрактами на ведение войны? То есть это все хорошо описано в исторической литературе, художественной, фильм «Агония» Элем Климов поставил чудесный, из которого следует, что было разложение царской элиты. И вот это, скорее всего, большей явилось причиной падения режима, нежели деятельность ничтожной по количеству партии большевиков. Это моя точка зрения. Поэтому я бы рекомендовал участникам процесса посмотреть на фундаментальные или, как говорят философы-марксисты, имманентные проблемы режима. Если там что-то такое, что может отторгаться обществом (в том числе и его продвинутой частью, в том числе и молодежью), вот это очень важная вещь. Потому что на съезде в субботу Дмитрий

Медведев, неоднократно выступая, такую мысль провел (я своими словами говорю), что надо учиться полемизировать, нам нужно изменяться (это он обращается к членам партии «Единая Россия»), не огорчаться (может быть, придется проигрывать в этой полемике), но, в конце концов, научиться полемизировать и, в конце концов, победа в 2015 году будет за нами.

У меня вопрос. Вот, ты просто учишься полемизировать или ты защищаешь какую-то содержательную точку зрения? Потому что в трактовке Медведева мне показалось, что правота их точки зрения априорно известна, что проблема в том, что они просто не умеют красноречиво ее защищать. И я-то думаю, вот как человек?.. Вот, предположим, у меня есть точка зрения, противоположная по экономической политике, которая проводится в России. Как они могут научить человека со мной полемизировать, если вот сейчас я вернулся из Америки, купил там 61 книгу по экономике и я их все читаю, конспектирую и у меня есть убеждения? Он же не сможет меня переубедить, потому что я этим профессионально занимаюсь. Не разумнее было бы прислушаться к тому, что я говорю или другие люди, которые занимаются анализом политической, социальной и другой ситуации, а не вступую бороться просто потому, что мы не имеем там партийного билета «Единой России» или придерживаемся других взглядов на развитие страны? Вот это, мне кажется, ключевой вопрос.

Если они не прислушаются содержательно к той критике, которая есть, и не увидят тех проблем... А мне уже приходилось говорить, когда я выступал в вашей студии, о том, что началась борьба за признание в гегелевских терминах нового класса, борьба за признание. Этот класс формирует систему ценностей, черпая ее по горизонтали, а не из вертикальных систем отношений. По горизонтали из интернета. О том, как устроен мир, он узнает не из партийной ячейки, а просто заходя на какой-то сайт. Но у них нет вожака, они не могут сартикулировать свою проблему. А власть говорит: «А с кем там переговариваться? У этих людей нету, как бы, интерфейса, с которым надо переговариваться». В результате никто не ведет переговоров, а натаскивает своих ребят.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Но тут, получается, и проблема есть и у тех, и у других. Значит, у власти нету никакого содержания и проблему они видят лишь в том, что не могут донести до народа свои идеи. А у оппозиции, получается, нету выразителя общего мнения. Но, ведь, его и быть не может, потому что как только появляется кто-то, кто берет на себя смелость говорить, что «вот мы, оппозиция думаем то-то и то-то», все остальные встают и говорят: «А какое право, дружочек, ты имеешь говорить от нашего лица?» Это неразрешимая проблема.

К.РЕМЧУКОВ: Нет, она разрешима. Она неразрешима только в одном случае – если власть считает, что обязательно должен быть переговорщик, если власть считает «Я – власть, а вы – вот с той стороны вот этого компьютера. И я считаю, что раз Таня Фельгенгауэр не в состоянии сартикулировать свои проблемы, то у Тани Фельгенгауэр этих проблем нет». Мудрая власть, если она в моем лице мудрая, я должен услышать, что вы там бормочете у себя в блогах, в статьях, в ропоте, в Жан-Жаке вы сидите, наверняка, ждете, когда вас отоварят дубинкой по голове.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: (смеется) Только этим и занимаемся.

К.РЕМЧУКОВ: Вот. Я должен услышать проблемы Тани Фельгенгауэр, сформулировать и предложить для реализации. И когда Таня Фельгенгауэр увидит, что у меня появляются перспективы жизни здесь и самореализации личности Тани Фельгенгауэр, то, скорее всего, я и решу все проблемы. Вот, на власть сейчас накладывается проблема не отвечать на требования оппозиции, которые сформулированы, потому что мы видим, что оппозиция разобрана, а решать проблемы, которые объективно встают в стране, независимо от того, в состоянии оппозиция сартикулировать эти проблемы и объединиться для выражения единого мнения.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Да. Но, ведь, параллельно идет еще история, то как раз, о чем вы упомянули, по поводу отторжения со стороны народа каких-то там действий властей. И, например, там вот эти назначения Уралвагонзавода, новая кузница кадров и прочее. Разве это не вызывает отторжения? Зачем это делать?

К.РЕМЧУКОВ: У простого народа может вызвать отторжение назначение Холманских полпредом в Уральском округе? Я не думаю. Я не думаю, что это правильно.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вот тут же вопрос, на кого ориентироваться?

К.РЕМЧУКОВ: Это другой вопрос. Мне кажется, что такими назначениями, если вдруг Холманских... Давайте дадим ему шанс. Просто здесь сразу видно, что уже питерских (лояльных) не осталось, чекистских не осталось, потому что они дискредитированы. Тогда берут уже человека даже с Урала, даже с Уралвагонзавода, но того, который не побоялся в полный рост встать и продемонстрировать лояльность. Это тоже косвенная

характеристика того, как мал тот круг людей, которым доверяет президент страны. Вот это и есть проблема.

И вторая проблема, более существенная, чем отторжение кандидатуры Холманских (я думаю, народ в основной массе даже не знает, что он назначен, какой объем у него полномочий), насколько он компетентен решать те проблемы, которые стоят перед регионом. Я тут беседовал с одним полпредом из вновь назначенных и невинно (я же региональной экономикой занимался 30 лет, для меня важны какие-то вещи) я ему задаю вопрос: «Скажите, пожалуйста, какой у вас доход на душу населения в регионе?» Региональный ВВП, условно говоря. Он на меня посмотрел, говорит: «Ой, не знаю. Зарплата, - говорит, - такая-то». Как полпред, который интегрирует эту общность людей, не знает? Тогда за что он борется? Как он может в центре добиваться реализации принципа повышения уровня социально-экономической жизни людей его региона, ну, хотя бы до среднего по стране? Он же тогда не понимает. А чтобы поднять эту жизнь, ты же не по мановению волшебной палочки ее поднимешь, да? А если у тебя будет инвестиций больше на душу населения в конечном итоге, тогда только ты сможешь сгенерировать большой продукт, который разделится на количество людей. А у него даже в голове нет. Значит, за всю эту жизнь его ни разу никто не вызвал в Кремле и не задал этот вопрос. И более того, он, скорее всего, не отчитывается по этому показателю повышения ВВП на душу населения в данном регионе. А это и есть регион. Причем, регионом федеральный округ точнее назвать, чем субъект Федерации. Субъект Федерации отражает административное деление, оно несовершенно. Просто по факту административное деление должно сплошным образом покрывать всю территорию России. А, вот, такие укрупненные районы – они показывают группово проблемы вот в этом территориальном кластере, да? Там, перенасыщенность оборонными мероприятиями, недогрузка мощности этих предприятий, безработица высококвалифицированных людей, переподготовка, какие новые типы. И это полпред должен делать.

Поэтому если товарищ Холманских сможет решать эти проблемы, это одно. А если это демонстрация всем, что колоссальный рост карьерный как в 20-е – 30-е годы, в первые годы советской власти могут иметь ребята, которые рванут рубаху, вытащат шашку и скажут «Я за тебя голову всем отрублю», то тогда это будет, ну, как назло маме уши отморожу, понимаешь? Это ж себе во вред.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Зато потом можно снять фильм «Светлый путь. Часть вторая». Константин Ремчуков в программе «Особое мнение». Если говорить о компетентности, тогда насколько вы оцениваете вот этот показатель для нового кабинета министров? Были ли там какие-то назначения, которые вас порадовали, огорчили, удивили?

К.РЕМЧУКОВ: Не, мне кажется, что много новых лиц. Мы требовали новых лиц. С другой стороны, большинство лиц (не скажу, что все) – опытные люди, то есть они были заместителями своих предыдущих начальников. Это говорит о том, что это были рабочие лошадки – заместители всегда работают больше, чем первые лица. Это подчеркивает технический характер кабинета, то есть это исполнители. Но пока непонятно, чего эти толковые профессионалы будут делать. Потому что, на самом деле, ситуация в экономике не такая хорошая. У нас темпы экономического роста не очень радуют, у нас капитал не очень приживается в России. И, вот, за первые 4 месяца все показатели тревожные. И вот эти тревожные показатели – кто-то должен подать какой-то сигнал миру. Я не понимаю, кто в этом составе обладает авторитетом для мировых финансовых рынков и экономических игроков, встреча с кем повлияла бы на принятие решения о вложении денег в Россию. Кудрин тем более, который был таким человеком, он критикует нынешнюю экономическую политику, и мы не видим, все-таки... Вот, я не понимаю, что у нас будет за экономический курс, на что он будет ориентирован. Потому что все, о чем говорят, это термины, ну, такие, советские, как бы, конкретные какие-то показатели (хотя, это, вроде, неплохо, да?). Никто не говорит, какая будет макроэкономическая политика, никто не говорит, как будет у нас со стороны совокупного спроса – упор будет делаться на государственные закупки или на частное потребление. Как у нас будут расшиваться проблемы предложений? Будет ли увеличиваться предложение? Потому что у нас цены растут, в основном, из-за того, что у нас сужены каналы предложений этих товаров при том, что стагнируют доходы людей. И, соответственно, при уменьшении предложения и даже при сохраняющемся уровне доходов, цены начинают расти. Поэтому здесь серьезные вещи, связанные с жизнью людей. И программы точной я не вижу. Как они собираются? Вот, в первый год мы что делаем? Там, во второй год мы что делаем? Долгосрочное основание для экономического роста как будет определяться?

Вот, должна быть логика, которая принята в мире, которая посылает эту логику потенциальным вкладчикам в твою экономику, включая собственных, национальных инвесторов. Вот этого я пока не вижу. И это меня больше настораживает, чем конкретный персональный состав правительства.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Но формированием кабинета министров занимался не столько Дмитрий Медведев, сколько Владимир Путин. Сознательно ли он, как вы считаете, не поставил условно своего Кудрина, такого яркого человека, который может?..

К.РЕМЧУКОВ: Не мог.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Почему?

К.РЕМЧУКОВ: Политика – это искусство возможного.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Объясните.

К.РЕМЧУКОВ: Ты сейчас спрашиваешь про Медведева, «сознательно не поставил»?

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Про Путина, который в большей степени формировал это правительство.

К.РЕМЧУКОВ: Модель Путина-то более-менее понятна. Это, все-таки, модель централизации очень высокой. Поэтому для него, мне кажется, менее существенно. Ему важны исполнители. И мне кажется, в этом самый большой лимит модели Путина, что страна такая большая и проблемы такие разнообразные, что просто исполнять чью-то волю – недостаточная характеристика профессионала. Потому что для того, чтобы быть успешным при исполнении чужой воли, надо, чтобы эта воля была очень разумная, чтобы она была просвещенная воля, чтобы эта воля включала в себя желания не капризные, не какие-то бытовые, а чтобы она включала в себя потенцию будущего развития страны. Если такой воли нет... А как в такой гигантской стране от Владивостока до Калининграда найти человека, который бы воплощал в себе такую разумную волю, что все могли только брать под козырек? Именно отсюда невозможность централизованной модели управления страной. Только децентрализация. Потому что как только ты приближаешь идентификацию проблем на места, как только люди на местах отвечают за то, чтобы эту проблему выявить, как только они передают сигнал тому, кто на местах должен ее решать, так появляется критерий сменяемости власти. Может чувак решить проблемы, которые на местах возникли, будешь править там хоть 28 сроков подряд. Не можешь – давай иди, поищем другого. Поэтому здесь связь экономики и демократии является прямой. И демократия не является выдуманной какой-то фантазией. Демократия является отражением специфического способа решения социально-экономических проблем людей на местах. Вот это, мне кажется, не путинская модель.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Совсем не путинская. Удивительно только, как последние 10 лет мы

жили при нем с его совсем другой моделью.

К.РЕМЧУКОВ: Давайте поговорим об этом.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Мы закончили на том, что система настоящей демократии является антипутинской, то есть, вернее, совсем не путинской системой. Но, тем не менее, больше 10 лет страна живет и как-то развивается при системе управления Путина.

К.РЕМЧУКОВ: Да, потому что развитие – это функция...

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вопреки.

К.РЕМЧУКОВ: Нет. Тань, извините за повторение, может быть, ну просто для того, чтобы вы не обижались, да? Есть разница между категориями «рост экономический» и «развитие». Большую часть первого срока Путина, первого и второго (я беру 8 лет) у нас наблюдался рост экономический, связанный с бурным повышением цен на нефть и на другие сырьевые ресурсы.

Развитие – это более сложная категория. Развитие включает в себя институциональные изменения плюс экономический рост. Вот это мое определение, что такое развитие. А рост – это просто ты увеличиваешь доходы от продажи сырья, у тебя увеличивается ВВП. Делишь на души населения, у тебя получается рост доходов на душу населения. Увеличился этот объем выросшего ВВП по сравнению с предыдущим годом, разделил одно на другое, умножил на 100, получаешь цифру, на сколько процентов у тебя все выросло.

Поэтому с этой точки зрения, я считаю, что вот этот первый период путинской власти был направлен на решение проблем первого уровня сложности. По сравнению с 90-ми годами, когда были огромные институциональные изменения, но, к сожалению, не было роста. А мы помним, какие были инфляция, все. Но институциональные изменения были колоссальные – приватизация, институт частной собственности, новые способы финансирования дефицита бюджета, появлялись новые ценные бумаги Минфина. То

есть это все был бурный рост, да? Но не было развития в полном смысле этого слова, поскольку экономический рост был отрицательный, а изменялись институты.

И первый уровень проблем по сравнению с ельцинской эпохой – это решить социальные проблемы пенсионеров, бюджетников, военнослужащих и так далее. Вот они были решены. Сейчас и на этой основе Путин одерживает победу, заручившись поддержкой больше половины населения страны, которая зависит от бюджета.

Но страна не может топтаться десятилетиями, решая и гордясь... Гордиться можно решением любых проблем. Если кто-нибудь хоть что-нибудь конкретное сделает, это повод для гордости. Я тут в данном случае даже не иронизирую. Помог кому-то конкретно, уже зачтется там, на той роковой встрече в верхах, которую избежать никому не удастся.

А, вот, как жить, когда перед страной стоят проблемы второго уровня сложности и третьего уровня сложности? Вот, второй уровень сложности – это образование, это здравоохранение, это пенсионная система, это создание условий для развития бизнеса, это налаживание реальной конкурентной среды.

Третий уровень проблем, которые стоят перед страной, это ускоренная модернизация, это изменение качественно средств производства, на которых работают люди, типа социальной безопасности, когда ты выходишь на улицу и знаешь, что тебя никто и не заметет в полицию, и не даст по голове просто как хулиган. Вот, ощущение безопасности жизни – это как качественная характеристика, не только уровень ее.

Вот, к решению этих проблем мы не приближаемся, о них даже никто не говорит. По-прежнему вспоминают решение вот этих, вот этих и вот этих вещей.

Вот это меня тревожит, потому что... Я тоже как-то говорил, провели исследования в одном сибирском регионе в районе Байкала, чего собирается делать молодежь. И выяснилось, что там 7 из 10 человек уже рассматривают возможность уезда за границу учиться. Начали в фокус-группах интересоваться, что за мотив, и выясняется, что на весах взвешиваются издержки по продвижению тебя в стране – взятки при поступлении в вуз, взятки при поступлении на работу, коррупция, бюрократия и все, и издержки,

связанные с адаптацией тебя как эмигранта. Там из фокус-групп явствует, что все отчетливо осознают тяготы эмигрантской жизни. Так вот впервые, как представляется, тяготы по адаптации за границей кажутся легче, чем тяготы по адаптации и продвижению вот в этих условиях. Вот это является существенной качественной характеристикой при принятии людьми решения, где они будут жить и работать, и во имя каких лозунгов надо строить политику.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Но если ничего не будет меняться, и институты, о необходимости которых мы уже так много лет с вами говорим, а институтов все так и нет...

К.РЕМЧУКОВ: Есть институты. Но они не являются центром, упором в политике. Институты есть, Тань. Вопрос в том, что решаю я как сильный волевой влиятельный человек, или решают эти проблемы институты? Мы застаем страну в отсутствии институтов либо хорошо работающих институтов. Это нормальная ситуация. Но я как сильный лидер должен денно и нощно создавать институты, чтобы они решали проблемы, чтобы это не ручное управление было. Потому что в противном случае объективно кажется, что если я ухожу, человек, который разруливает, то кто меня заменит здесь? Нету такого, потому что нужно набирать авторитет, чтобы ты мог примирить конфликтующие стороны. Иначе это все может быстро скатиться в условиях гражданской войны.

Вот, задача-то, политическая задача власти – это оставлять после себя институты работающие. Они есть, но они не работают, они как декорация. Дума, мы помним, был институт. Конечно, был, Но он не был местом для дискуссии. Общественную палату зачем-то создали, чтобы она провела общественную экспертизу законов в интересах общества. Но разве кто-нибудь видел, что это такой, серьезнейший элемент нашей политической конструкции, который проводит экспертизу в интересах общества?

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Но таким образом мы можем вернуться к началу нашего разговора, когда мы говорим о самовыдвиженцах и о том, что в Мосгордуму выборы хотят как-то сделать и внесен законопроект о выборах губернатора Московского. Вот таким образом протестующие могут вернуть или не столько вернуть, сколько заставить эти институты работать? Ну, например там, выборы мэра Москвы – они могут стать показательными?

К.РЕМЧУКОВ: Конечно. Мне кажется, что сейчас вообще... Вот сегодня мы там готовились, завтра у нас будет главная статья в газете, что оппозиция, кажется,

нащупала новый лозунг, новую идею – это перевыборы Мосгордумы. Потому что, все-таки, лозунг «Отменить результаты выборов» не работает. Вот то, что сегодня Пархоменко целый день говорил во все СМИ и все другие склоняются к тому, что вот эта идея может оказаться продуктивной. То есть начинают нащупывать. Но никто не заинтересован, потому что сейчас в этих условиях, мне кажется, что выборы в Мосгордуму... Как они могут? Либо самораспуститься, либо их должен отменить Собянин. Никто не заинтересован в этом. Но как тема она может постоянно быть, с этими лозунгами можно ходить. Потому что вся вот эта протестная активность, которая не собирает десятки тысяч или сотни тысяч человек, а собирает 200, 300, это очень удачная тактика. Потому что основная мантра, по которой Владимир Путин был избран, и главный аргумент, который приводили многие из его простых, народных сторонников было то, что нам нужна стабильность, Владимир Владимирович Путин – это стабильность. И, вот, когда картинка на телевизоре как российском, так и иностранном каждый день показывает, что полицейские кого-то ловят, кого-то запихивают то с ленточкой, то без ленточки, то гея, то натурала даже (не поверите)...

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Страшно сказать.

К.РЕМЧУКОВ: Да. Вот. Запихивают в «зак», и Евроньюс показывает это... Причем, когда я смотрел Евроньюс на следующий день после прогулки писателей, этой новости не было в Евроньюс, я ее ни разу не увидел. А, вот, когда там 200 человек или 300 человек разгоняют, это есть. Вот если такими темпами будет продолжаться, такая тактика, весьма осмысленная, то к сентябрю за 4 месяца любого спроси: «У нас стабильность-то есть? Вот избрали Владимира Владимировича». Он скажет: «Какая стабильность? Я каждый день с ужасом вижу, что кто-то дубинками машет, кто-то шлемами и щитами размахивает».

То есть, есть, мне кажется, 2 стратегии. Одна стратегия – это постоянное создание информационного поля, конфронтация с властями. Другая стратегия – это выявление какой-то политической цели новой, например, перевыборы Думы либо объединение оппозиции в регионах и противопоставить своего кандидата действующей власти, которые будут работать. И пока, мне кажется, в зависимости от региона будет либо та, либо другая стратегия одерживать верх.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Ну, то есть, наконец-то, это свершилось и оппозиция нащупала вот эту свою линию поведения?

К.РЕМЧУКОВ: Да, мне кажется, да. Но потребовалось несколько месяцев.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Это было непросто.

К.РЕМЧУКОВ: Конечно.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Правда, сейчас мы смотрим, что тут пошли уголовные дела. Уже есть первая задержанная по 6-му мая, и там реальные, достаточно большие сроки грозят девушке.

К.РЕМЧУКОВ: Тань, мне кажется, это отражение тех разговоров по 1917-й год. Все-таки, надо было жестко всех их законопатить, большевичков и избежать Октябрьской революции.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А квартиры ОМОНу?

К.РЕМЧУКОВ: Квартиры ОМОНу – это поддержка людей, которые за власть рискуют жизнью.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Это к разговору про Уралвагонзавод.

К.РЕМЧУКОВ: Да. Публично проявленная лояльность должна быть вознаграждена.

Т.ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Да. А публично проявленная нелояльность просто поведет оппозицию в нужную какую-то сторону. В общем-то, да, win-win situation, каждый нашел свое. Спасибо большое Константину Ремчукову. 2 недели не было, ну, вот, я надеюсь, что на какую-то часть вопросов мы ответили. Всем до свидания. Спасибо большое, Константин Вадимович.

К.РЕМЧУКОВ: Спасибо.